

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Н. И. Матузов*

Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма

В практической жизни люди часто сталкиваются с различными проявлениями правового нигилизма. Это понятие постоянно у всех на слуху, не сходит со страниц печати, с телеэкранов. В какой-то мере к нему даже привыкли, ибо он стал обычной нормой поведения, «образом жизни»¹. Гораздо меньше говорят и пишут о правовом идеализме, который не столь глубоко проник в массовое сознание людей и в повседневный быт. Большинство граждан, наверное, и не подозревают о его существовании, не знают, что это такое. Между тем вред от правового идеализма ничуть не меньше, чем от правового нигилизма. Осознается это, как правило, потом, когда его негативные последствия становятся очевидными.

Надо сказать, что само понятие правового идеализма до некоторой степени условно. Термин «идеализм» употребляется в данном случае не в сугубо философском смысле (определенное мировоззрение), а в значении «идеализация», «идеалист», «идеальный», под которым обычно подразумеваются отрыв от действительности, наивность, романтизм, мечтания о прекрасном, но не реальном. Это те случаи, когда о ком-то говорят: «Он неисправимый идеалист». Явление, о котором идет речь, сродни «маниловщине», пустым фантазиям.

Подобного рода идеализм так или иначе проявляется во всех сферах жизни общества, в том числе правовой, что и дает основание называть его *правовым*, или *юридическим*, в противоположность правовому (юридическому) нигилизму. Разумеется, можно говорить также о политическом, моральном и других видах идеализма. Что все это означает на практике, покажем на конкретных примерах из нашей недавней советской и постсоветской истории.

Известно, что в коммунистические времена излюбленным методом руководства «широкими трудящимися массами» было провозглашение громких политических лозунгов и починов, принятие «исторических», «судьбоносных», «эпохальных» решений и постановлений о дальнейшем развитии, повышении, усилении,

* Профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

¹ Проблема нигилизма была рассмотрена автором этих строк ранее. См.: Матузов Н. И. Правовой нигилизм как явление российского политического менталитета // Право и жизнь. 2002. № 74; *Его же*. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. 2012. № 1 и др.

укреплении чего-либо. Насаждался своего рода культ всевозможных пятилетних и более отдаленных планов и программ, безоглядная вера в их магическую силу. И все они, как правило, переводились на язык законов, которые из-за этого сильно напоминали съездовские партийные резолюции.

Устанавливались даже сроки окончательного достижения мечты о светлом будущем, т. е. идеальном счастливом обществе. Дутые лозунги, инициативы, обещания были призваны вдохновлять людей «на подвиги». Говоря словами Герцена, идеология ставилась выше фактологии. Строительство воздушных замков (точнее, бумажных) помогало жить в мире иллюзий. Однако действительность быстро разрушала эти эфемерные храмы и возвращала в мир суровых реальностей.

Инерция политического и правового идеализма была затем продолжена и даже в известной мере усилена форсированными, но бессистемными планами «перестройки» страны во второй половине 1980-х гг. Одним из печальных примеров юридического идеализма и крайнего субъективизма может служить так называемое «антиалкогольное законодательство», с помощью которого тогдашние советские лидеры попытались одним махом покончить с такой сложнейшей социальной и морально-психологической проблемой, как пьянство. Что из этого получилось, хорошо известно.

Столь же сумбурными, во многом авантюрными были многие прожекты мгновенного преобразования России в 90-х гг. минувшего века, т. е. уже в период реформации. В этих планах ставились цели, для достижения которых западным странам понадобились столетия. Но хотелось сделать все сразу и как можно быстрее. Реальные возможности мало кого тогда интересовали. Причем сделать надо было, как «у них», без учета российских традиций и специфики. В результате многое попросту не приживалось на отечественной почве.

Существовала даже весьма популярная в то время программа под названием «500 дней». Именно за такой срок предполагалось трансформировать «развитой социализм» в «развитой капитализм», обеспечить переход от плановой экономики к экономике рыночной. А заодно сломать через колено менталитет упомянутых «народных масс», привыкших жить в другой системе координат. Аналогичным по сути был и отчаянный призыв Егора Гайдара в начале реформ: «Надо лишь крепко зажмуриться и прыгнуть в неизвестность»¹. «В неизвестность» — значит, наобум, куда кривая вывезет. Никакого плана не было, кроме сильного «хотения и желания» по-большевистски изменить, поломать все во что бы то ни стало.

Как ни удивительно, но находились люди, которые верили в подобные чудеса. Это был идеализм в чистейшем виде, помноженный на волюнтаризм. И все выдвигавшиеся идеи пытались осуществить не в последнюю очередь с помощью права, законов, указов, правительственных постановлений, словом, «декретов». При этом в период правления Б. Ельцина доминирующим среди всех нормативных актов было так называемое «указное право», основанное на единоличной, ничем не связанной воле². Поскольку романтическим планам в намеченные сроки не суждено было сбыться, поэтому и «романтическое право» вместе с ними потерпело фиаско — оно оказалось чисто бумажным, вера в него была утрачена или, во всяком случае, подорвана.

¹ Гайдар Е. Прыжок к рынку // Правда. 1990. 16 апр.

² См.: Лучин В. О. «Указное право» в России. М., 1996; Лукьянова Е. А. Указное право как российский политический феномен // Журнал российского права. 2001. № 10.

Конечно, жизнь не оставалась вне всякого правового регулирования. Действовали кодексы, Конституция, старые и новые (относительно реальные) юридические нормы. Но в целом российское законодательство того периода представляло собой «лоскутное одеяло», сотканное из сплошных противоречий. Бушевала война законов и властей, союзные и российские структуры находились в перманентном противоборстве. Советская система распалась, но на ее месте ничего устойчивого еще не сложилось. Реформы проходили трудно и бестолково. Именно это обстоятельство дало основание А. И. Солженицыну заявить: «Россия выбирается из коммунистического болота самым нелепым путем»¹.

Питирим Сорокин (философ, социолог, публицист) перед тем, как отправиться в изгнание на печально знаменитом «философском пароходе», глядя, что большевики «рушат все до основания», писал: «Хорошо и прочно строится только то, что строится исподволь и постепенно, а не путем конвульсивных разрушений всего старого дочиста»².

То же самое происходило и в общественном сознании, в частности правовом, которое было крайне неоднородным, деформированным, сумбурным. В нем содержались как прежние, устаревшие стереотипы, так и новейшие веяния и тенденции, отражались неустоявшиеся умонастроения различных слоев и групп населения, не успевавшего «переваривать» возникшие в стране катаклизмы. Смена социальных и идеологических ориентиров для большинства граждан оказалась неожиданной и болезненной. Отсюда — мешанина в сознании. Таким оно в значительной мере остается до сих пор.

Среди множества противоречий, раздирающих сегодня российское общество, наблюдается и такое, как парадоксально-причудливое переплетение, с одной стороны, тотального правового нигилизма, а с другой — наивного правового идеализма. Как ни странно, оба эти явления, казалось бы разновекторные и несовместимые, мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину политико-юридического бескультурья.

В первом случае законы откровенно не уважаются, игнорируются, нарушаются; во втором, напротив, им придается значение некой чудодейственной силы, способной одним махом разрешить все наболевшие проблемы. Массовое сознание требует принятия все новых и новых законов чуть ли не по каждому вопросу. Указанные крайности — следствие многих причин, без преодоления которых идея правового государства неосуществима.

Если правовой нигилизм в самом общем плане означает отрицание или недооценку права, то правовой идеализм — его переоценку, идеализацию. Оба эти явления питаются одними корнями — юридическим невежеством, незрелым правосознанием, дефицитом политико-правовой культуры. Подобные феномены, несмотря на их, как уже отмечено, противоположную направленность, в конечном счете смыкаются и образуют как бы «удвоенное» общее зло. Иными словами, перед нами «две стороны одной медали».

Хотя внешне правовой идеализм менее заметен, не так бросается в глаза, явление это причиняет такой же вред государству, обществу, гражданам, как

¹ Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1997. С. 74; см. также: Поляков Ю. И. От империи лжи к республике вранья. М., 1997; Валовой Д. В. Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1991; Гундарев И. А. Парадоксы российских реформ. М., 1997.

² Цит. по: Кантор Ю. 90 лет назад власть отправила в изгнание лучшие умы России // Российская газета. 2012. 13 нояб.

и правовой нигилизм. Он крайне деструктивен по своим последствиям, которые обнаруживаются не сразу, а лишь в конечном счете. Вот почему, борясь с правовым нигилизмом, не следует впадать в другую крайность — *правовой фетишизм, волюнтаризм, идеализм*.

На право нельзя возлагать несбыточные надежды, оно не всемогуще. Наивно требовать от него большего, чем оно заведомо может дать, ему необходимо отводить то место и ту роль, которые вытекают из его объективных возможностей. Непосильные задачи могут только скомпрометировать право. Поэтому его нельзя возводить в абсолют. От этого рудимента («родимого пятна») современному общественному сознанию необходимо избавляться.

Вообще, идеи о возможности принципиального изменения общественно-го устройства с помощью одних только мудрых законов — древнего происхождения. Из этого исходил еще Платон в своих мечтаниях об идеальном государстве. Да и французские просветители не раз указывали на подобный путь избавления от несправедливых порядков. Но жизнь неизменно опровергала эти представления.

Как известно, марксизм в свое время едко высмеивал всевозможные концепции «юридического социализма». Так, Ф. Энгельс, критикуя в 1847 г. манифест Ламартина, писал, что «предлагаемые в нем меры наивны и лишены практического смысла вроде упразднения нищенства, общественных бедствий, пауперизма чрезвычайным законом, учреждения специального министерства *народной жизни* законодательным путем и т. п.»¹. Но если невозможен «юридический социализм», то тем более немислим «юридический капитализм» с его свободной рыночной экономикой.

Интересно, что подобные попытки предпринимаются и в наши дни. Так, по сообщению прессы, в Бразилии на полном серьезе обсуждается вопрос о закреплении в конституции права граждан на *счастье*². Если так, то надо создавать и министерство счастья (нечто вроде министерства правды Оруэлла), иначе кто же будет обеспечивать это право. Идеи о «конституционном счастье» поддержаны в Японии и Южной Корее. Как тут не вспомнить замечательный «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы с его безмятежными и счастливыми жителями.

Между тем в условиях возникшей у нас еще в период «перестройки» правовой эйфории у многих сложилось убеждение, что достаточно принять хорошие, мудрые законы, и все сложнейшие и острейшие проблемы общества будут решены. «Вот примем пакет законов — и жизнь улучшится». Но чуда не происходило, законы принимались, а дела стояли на месте или даже ухудшались. В результате наступило известное разочарование в законах, появились признаки правового скепсиса. Из «низов» раздавались раздраженные голоса: «Хватит, мы уже сыты по горло законами, они ничего не дают». Нарастали протестные настроения.

Оно и понятно, ведь законы сами по себе не могут накормить, одеть, обуть людей, улучшить их благосостояние, они могут лишь способствовать либо не способствовать этому, нечто закреплять, охранять, регулировать, распределять, но не производить. Поэтому уповать только на «скоростное» правотворчество, значит, питать юридические иллюзии. Нужны, прежде всего, социальные, экономические, политические, культурные, организационные и иные меры плюс законы. Лишь совокупное действие всех этих факторов может дать желаемый эффект.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 346.

² См.: Аргументы и факты. 2011. 1–7 июня.

Закон, как известно, есть официальное признание факта, не более. Он лишь оформляет, «протоколирует» реально сложившиеся отношения. По словам К. Маркса, право не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества. Данный тезис давно стал азбучной истиной и никем пока не опровергнут. Напротив, он постоянно подтверждается на каждом шагу.

Помнится, в разгар работы союзного парламента пресса в негативно-иронических тонах, не без сарказма писала о «магии», «девятом вале», «буме», «каскеде» законотворчества, о «мертворожденных» и полузабытых законах. А один из депутатов (К. Д. Лубенченко) мрачно сравнивал законодательные усилия коллег и свои собственные «с попытками вырастить сад в жестоких условиях пустыни; иногда кажется, что законы, которые мы принимаем, отторгаются действительностью, как саженцы бесплодной почвой. И возникает чувство разочарования и безысходности»¹.

В какой-то мере это продолжалось и в период деятельности бывшего Верховного Совета России, а также последующих созывов Государственной Думы. Оказалось, что быстрых и легких решений нет, «правовое шапкозакидательство» не помогает, не тот путь. Мы и сейчас сплошь и рядом наблюдаем неработающие или малоэффективные законы. Характерно, что это признают и сами законодотворцы, признает власть, ибо перед нами реальное и широкораспространенное явление, не заметить которое невозможно. А еще римские юристы утверждали: «Бездействующий закон хуже отсутствующего».

Ясно, что проводимые в российском обществе преобразования нуждаются в надежном правовом обеспечении, но оно не может быть чисто волевым. Бессилие законов порождает все тот же нигилизм, неверие в реальную значимость принимаемых актов, в их способность изменить ситуацию. Законы не работают, значит, и отношение к ним безразличное, их престиж падает вместе с престижем власти.

Правовой идеализм уже давно породил у значительной части людей кризис веры в законодательные, а в более широком плане — в парламентско-конституционные пути решения назревших проблем, в новые прогрессивные институты. Идеализмом с самого начала страдали некоторые лозунги перестройки (гласность, ускорение, форсированная демократия, свобода без границ, немедленное искоренение пьянства и т. д.), а затем и периода реформации (авральная приватизация, всеобщее «разгосударствление», «шоковая терапия», «рыночный фундаментализм»).

Хотелось все это побыстрее воплотить в законах, закрепить юридически, провозгласить в конституциях. На деле же форсированного перехода общества из одного состояния в другое не получилось, ожидания затянулись. Наступило «социальное похмелье» — горькое и мучительное. Идеалистические, скороспелые прожекты, как правило, сурово мстят за себя. Это тот же нигилизм, только с обратным знаком. Или его обратная сторона. «Россия вновь попала под власть соблазнительных, манящих миражей и иллюзий»².

Новая демократия, освободив общество от тоталитарных пут, не сумела сама по себе обеспечить его поступательное развитие. А кое в чем произошел «откат» назад. Было принято немало бесполезных, пустых, нереальных законов. В то же время многие важные сферы жизни общества до сих пор остаются вне правовой регламентации, хотя остро в ней нуждаются.

¹ Лубенченко К. Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.; Полудняков В. Н. Кладбище мертвых законов // Российская газета. 1992. 22 нояб.

² Алексеев С. С. К Конституции человека // Независимая газета. 2012. 16 нояб.

Распространению юридического идеализма способствовало и то, что у нас долгое время преобладал чисто прагматический подход к праву (орудие, инструмент, средство, рычаг и т. д.), т. е. исходили из марксистско-ленинского тезиса о том, что «закон есть мера политическая, есть политика»¹. Право рассматривали как некую идеологическую дубинку, с помощью которой можно решить ту или иную проблему, а не как важную социальную и культурную ценность, гуманистическую идею, институт демократии. В соответствии с этим на право взваливали «неподъемный груз», возлагали слишком большие надежды, которые в дальнейшем не оправдывались.

Правовой скептицизм особенно усилился в период разгара «шоковых реформ», когда общество отчетливо осознало, что многие законы, указы, поспешно принятые в период обновления, оказались, мягко говоря, малоэффективными и не привели к достижению желаемых целей, а некоторые дали отрицательный результат. Глашатай идеи «абсолютной свободы» Ф. Ницше писал: «Не говори мне, от чего ты свободен: скажи — для чего свободен»². В самом деле — для чего? Создается впечатление, что Россия, завоевав свободу, распорядилась ею не лучшим образом.

Еще в 2002 г., будучи кандидатом в Президенты России, В. В. Путин откровенно говорил о том, что «в последние годы мы приняли сотни программ, решений, первоочередных мер. Но раз их так много, значит, они нереальны. Мы все время шли на поводу у событий, расхлебывая последствия собственных опрометчивых шагов»³. А будучи уже Президентом, в одном из своих выступлений он заявил: «Нам нужно прекратить заниматься пустыми обещаниями, демагогией. Надо сказать народу правду, что государство может сделать, а что не может. И это будет честнее и справедливее. Мы уже столько наобещали, что если бы даже захотели все исполнить, то для этого потребовалось бы два консолидированных бюджета страны. Это дискредитирует власть, она теряет доверие»⁴. Между тем народная мудрость гласит: кто потерял доверие, тому терять больше нечего.

Иными словами, выдвигались идеалистические, невыполнимые в данный момент цели и задачи, принимались импульсивные решения. Последствия, результаты никто не просчитывал. Возник гигантский разрыв между законами и тем, что делалось ради проведения ускоренных либеральных реформ. Забыли, что законы не всемогущи. К сожалению, рецидивы прошлых уроков встречаются и сейчас. Как и раньше, принимаются законы, указы, постановления или отдельные юридические нормы, которые заведомо невыполнимы или малоэффективны. Романтизм в некоторых головах еще сохранился.

Когда в начале 1990-х гг. создавалась ныне действующая российская Конституция, в нее вписали весь спектр прав и свобод человека, зафиксированных в известных международных актах и декларациях, а также в законодательстве передовых демократических стран Европы и США, не думая о том, насколько они реальны в наших условиях, смогут ли власть, государство, общество их обеспечить, гарантировать. К тому же не уравнивали их в должной мере с обязанностями. Раздел о правах был назван «украшением Конституции», ее «визитной карточкой». Потом быстро выяснилось, что это в значительной мере всего лишь

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 99.

² Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб., 1904. С. 7.

³ Путин В. В. Открытое письмо к российским избирателям // Известия. 2002. 25 февр.

⁴ Российская газета. 2003. 19 февр.

благие пожелания, они так и остались «красивой визиткой», которую всем можно с гордостью показывать. Позже была также принята «своя» Декларация о правах и свободах, о которой сегодня мало кто помнит. Романтическая идея тихо умерла.

В народе укоренилось мнение: закон все может. И это несмотря на неуважительное, мягко говоря, отношение к нему. Данный парадокс еще раз показывает, что правовой нигилизм и правовой идеализм — два полюса одного явления, которое отражает наш незрелый российский менталитет. Поистине — загадочный феномен. Психологически это можно объяснить своеобразным «раздвоением» сознания правотворцев, политиков, власти, да и всех граждан или его сумбурностью.

Нельзя, например, декретом сверху установить мир и согласие в стране. Это напомнило бы попытки известного литературного персонажа установить с помощью закона единомыслие в России. Каждому ясно, что единение и сплоченность народа достигается совсем иными путями и средствами. Административными же указаниями и распоряжениями можно только дискредитировать эту благую цель, как и идею о том, что официально, в высоких начальствующих кабинетах, можно сформулировать некую общенациональную доктрину, которая бы всех устраивала и объединяла. А такие попытки одно время усиленно предпринимались, да и сейчас (правда, менее активно) еще иногда предпринимаются.

Известным забеганием вперед можно считать первую статью Конституции РФ, гласящую, что Россия уже сейчас является правовым государством. Тем самым желаемое принимается за действительное. Не случайно еще в президентском Послании Б. Н. Ельцина Федеральному Собранию 1994 г. это положение было фактически дезавуировано: «Мы должны признать — в России пока нет полноценного демократического правового государства»¹.

Следует согласиться с замечанием Г. Г. Бернацкого по поводу политико-юридической некорректности и ст. 2 Основного Закона страны, где сказано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Автор резонно полагает: «При буквальном толковании этой статьи получается, что она постулирует ценности классического либерализма — индивидуализм, подчиненность интересов государства интересам личности, доминирование частного блага над общим»².

Далее автор обращает внимание на то, что в настоящее время ни в одной конституции мира подобных формулировок нет. Права балансируются с обязанностями, которые рассматриваются как «равноправные сущности». Личность и государство взаимно ответственны, их важность, приоритетность одинаковы, тесно взаимосвязаны, одно немыслимо без другого. Словом, опять налицо романтизм и идеализм.

В последнее время мы наблюдаем нечто похожее на упомянутое выше скоростное правотворчество «лихих 90-х», которое на сей раз аналитики радикального толка окрестили «ураганным». Поспешно принимаются законы, в основном запретительно-ограничительного характера; эффективность этих законов — под большим сомнением, ибо они некачественны, недостаточно продуманы, не выражают интересы значительной части населения. Практика не готова их воспринять и «переварить». В печати, особенно оппозиционной, в среде либеральной «экспертотократии» эти акты наградили весьма нелестными эпитетами — «скандальные»,

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. 1994. 24 февр.

² Бернацкий Г. Г. Что является высшей ценностью в обществе и государстве? // История. Право. Политика. 2011. № 1. С. 64.

«репрессивные», «карательные», «абсурдные» и т. п. Возможно, это слишком сильные, сугубо эмоциональные определения. Тем не менее ясно одно: мы опять, кажется, попали в плен заманчивых юридических иллюзий — закон все может.

Заметим, кстати, что смысл «юридических иллюзий» близок к понятию юридического (правового) идеализма, они, по сути, являются его разновидностью. В литературе нередко говорят даже о «конституционных иллюзиях», которые, например, Д. А. Ковачев делит на два вида — те, которые касаются будущего, и те, что связаны с действующим порядком. Однако независимо от источника конституционные иллюзии, по мнению автора, «объективно служат одной политико-психологической цели: одурманить, затемнить гражданское сознание людей». Далее Д. А. Ковачев подчеркивает: «Чтобы не стать наивными жертвами конституционных иллюзий, нельзя верить фразам и обещаниям, нужно пренебречь мелочами дня, засоряющими мозги, и все свое внимание сосредоточить на фактическом соотношении сил и возможностей общества»¹.

Что касается правовой демагогии, о которой упоминалось выше, то вполне понятно, что это разновидность социальной демагогии. По мнению В. Н. Баранова, она представляет собой «вечный спутник политико-юридической сферы и особенно активно используется в периоды крупных общественных преобразований»². Хотя правовой идеализм, правовой популизм, правовая демагогия, правовые иллюзии — понятия нетождественные, на деле они во многом пересекаются, т. к. тесно переплетены и взаимозависимы. При этом причинно-следственные связи в данном случае не совсем ясны.

О заманчивой идее правового государства, правах и свободах человека мечтали даже некоторые русские самодержцы (Екатерина II, Александр I, Александр II). Однако эти красивые мечты так и остались мечтами. Да и не могли они быть реализованы в тех условиях. В какой-то мере все наше «перестроечное», а затем и «реформаторское» законодательство грешит идеализмом, прожектерством, популизмом. Хотелось не отставать от «моды» и даже бежать «вперед паровоза», сделать все «как у них», как принято в «приличном обществе».

Подлинная беда состоит в том, что даже хорошие и нужные законы не работают. В одних случаях потому, что отсутствуют необходимые механизмы их реализации, в других (и это главная причина) — из-за того, что вокруг отсутствует нормальная среда их функционирования. Процветает нравственный, политический и правовой нигилизм, общественные отношения находятся в состоянии крайней неустойчивости, зыбкости, законы бессильны их упорядочить, стабилизировать, направить в нужное русло. В этом смысле право испытывает небывалые «перегрузки», оно не справляется со своими регулятивными и охранительными функциями. Или не вполне справляется.

Нельзя с помощью одних только правовых средств, в декретно-волевом порядке побороть бедность, преступность, коррупцию, алкоголизм, наркоманию. Эти средства должны использоваться в совокупности с другими мерами — экономическими, политическими, социальными, культурными, нравственными,

¹ Ковачев Д. А. Проблемы конституционного права. М., 2003. С. 102.

² Баранов В. Н. Правовая демагогия // Вопросы теории государства и права : науч. сборник. Вып. 3. Саратов, 2001. С. 39; см. также: Гусейнов А. А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5; Дубровский Д. А. Полуправда: ее природа и социальные функции // Философские науки. 1990. № 11.

организационными. Лишь тогда они могут дать желаемый эффект, а не остаться на бумаге. В России всегда страдала именно исполнительно-управленческая и контролирующая сторона дела.

Например, проблема правореализации и особенно правоприменения традиционно была у нас и до сих пор остается «ахиллесовой пятой» всей юридической практики. При такой ситуации даже самые «мудрые» законы лишаются смысла. В свое время Ш. Монтескье писал: «Когда я отправляюсь в какую-либо страну, я интересуюсь не тем, хороши ли там законы, а тем, как они осуществляются, ибо хорошие законы встречаются везде»¹. Другой классик советовал: «Создавайте как можно меньше законов, но следите за их соблюдением»². Звучит весьма современно.

Широковещательные обещания, раздача «векселей», пусть даже оформленных в виде законов и указов, означает, мягко говоря, правовой идеализм, а если сказать более резко — сознательную правовую демагогию, создание иллюзий и «мыльных пузырей». Известно, что «потемкинские деревни» у нас строить умеют, особенно в период избирательных компаний. Решения, послания, программы не должны быть заведомо невыполнимыми, рассчитанными лишь на «снятие напряженности». Их сиюминутность приводит затем к тяжелым, непоправимым последствиям.

Поэтому, если тот или иной закон не работает, это еще не означает, что он плох. Важна среда, атмосфера, внешние условия. Не все зависит от самого закона. Проблема сложнее. Определенные слои населения психологически не готовы к тем или иным переменам, нередко сопротивляются им. Юридические нормы не могут развязать тугие клубки возникающих противоречий, а в ряде случаев встречают противодействие. Предписания сверху во многих случаях внутренне не воспринимаются теми, на кого они рассчитаны. Отсюда — стремление лидеров государства к «ручному управлению».

И это тоже идеализм, ибо законодатели, исходя из своих высоких целей, идей, помыслов, конвейерно «выдают на гора» законы, заведомо зная, что они не достигают конечных целей. Нередко важнейшие акты застревают на полпути к своим непосредственным адресатам, их задерживает чиновничья бюрократия в силу общей бесконтрольности и коррумпированности. Среди новой номенклатуры есть и те, кто к любым начинаниям относится, как и прежде, по принципу: важно вовремя «прокукарекать», а там пусть хоть не рассветает.

Конечно, издаются и качественные, полноценные законы, за которыми стоит ум, опыт, старание их создателей, но, как заметил русский историк В. О. Ключевский, «можно иметь большой ум и не быть умным, как можно иметь большой нос и быть лишенным обоняния»³. Ум надо еще реализовать, поставить на службу обществу, людям. Иначе он мертв и бесполезен. «Умных» бездельников и советников у нас немало.

Власть бессильна заставить законы работать, поэтому она их просто издает в большом количестве. Но законодатель не вправе идти на поводу у обыденного сознания, надо срочно принять такой-то закон; он обязан смотреть дальше, предвидеть последствия. Правовое самообольщение опасно, ибо оно порождает беспочвенные надежды, «убаюкивает» общество.

Попытки «пришпорить» социальный прогресс с помощью одних только законов, как правило, заканчиваются конфузом. Журналисты острят: столько законов

¹ Монтескье Ш. О духе законов. СПб., 1900. С. 274.

² Локк Дж. Два трактата о правлении : соч. : в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 79.

³ Ключевский В. О. Соч. Т. 2. М., 1957. С. 375.

Дума издает, а народ жалуется на беззаконие. Кстати, в настоящее время на рассмотрении в российской Госдуме находится около 1500 законопроектов. А еще древние римляне говорили: в наиболее испорченном государстве наибольшее количество законов. Сейчас всем ясно: сотней или даже тысячей законов положения не изменить, если только они не подкрепляются другими мерами. Между прочим, о девальвации законов писал в свое время и юрист Ленин: «Ни в одной стране мира нет такого обилия законов, как в России. Однако ничего хорошего от этого нет и следа»¹.

В прессе и в литературе не раз отмечалось: законодатели, видя, сколь незначительно влияние их актов на ситуацию в обществе, то и дело пытаются включиться в непосредственное управление страной, расширяя тем самым свою компетенцию. В то же время исполнительная власть осуществляет экспансию в область законотворчества, создавая правовые акты под сиюминутные нужды управления. К *правовым идеалистам* следует отнести всех тех, кто полагает возможным навести порядок в стране исключительно с помощью юридических установлений.

Возникает вопрос: что надо делать раньше — создавать условия или принимать законы? Очевидно, и то и другое. Противопоставление этих двух начал неверно и контрпродуктивно. Законодательные и общественные процессы должны развиваться синхронно, они взаимозависимы. Между тем у нас нередко наблюдаются ситуации, когда юридические нормы либо забегают вперед, либо принимаются «вдогонку». Бывает и так, что законы, указы издаются не в целях их реального воздействия на общественные отношения, а для снятия недовольства и напряженности в обществе, особенно в социальной сфере.

Иллюзии владеют многими людьми, в том числе и законодателями, которые убеждены, что с помощью законов можно реформировать страну, исцелить общество от болезней. В президентском послании Федеральному Собранию 2000 г. говорилось: «Мы стали заложниками модели экономики, основанной на популистской политике. Утвердилась государственная ложь. Мы принимаем многочисленные законы, заранее зная, что они не обеспечены реальным финансированием. Просто из политической конъюнктуры продавливаем те или иные решения»².

В печати нередко делят законы на хорошие, плохие и никакие. Никакие — это значит ненужные, ничего не значащие, не имеющие под собой ни моральной, ни материальной основы. Соответственно, они и не воспринимаются теми, на кого рассчитаны. В лучшем случае они вызывают сначала какие-то ожидания, потом разочарование, а затем злость на власть и ее правовую систему. Таких пустых, нереальных законов, к сожалению, много, и они наносят огромный вред правосознанию людей.

В литературе высказана любопытная мысль о том, что может быть не стоит рассматривать правовой идеализм как исключительно негативное явление. Так, по мнению В. В. Сорокина, «декларирование правовых идеалов можно признать допустимым в переходный период в качестве варианта правового идеализма. Умеренный правовой романтизм поддерживает уважение к праву, раскрывает резервы творческой активности субъектов правовой деятельности»³. Интересная идея, которая заслуживает внимания. Тем не менее сразу возникают и некоторые сомнения.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375.

² Российская газета. 2000. 17 марта.

³ Цит. по: Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / под ред. С. В. Полениной и Е. В. Скурко. М., 2006. С. 481.

«Допустить», конечно, можно, ибо всем нам мечтать, желать и грезить, как говорится, не вредно. Но память подсказывает, что уж слишком долго мы мечтали о будущем («отложенном») счастье, которое так и не наступило. Ложные ожидания «согревали душу», служили оправданием социальной неустроенности и лишений миллионов людей, но в конечном счете закончились крушением всех этих надежд, обманом. Сегодня, пожалуй, больше востребованы не заманчивые «романтические идеалы», а здоровый прагматизм, реализм, здравый смысл. Поэтому нам кажется, что правовой идеализм, особенно в его гипертрофированных (наиболее выраженных) формах, все же нежелателен. Жизнь в мире иллюзий уходит в прошлое.

Продолжение реформ, развитие модернизации в России требует прочной правовой основы, особенно в экономической сфере. Однако при этом важно иметь четкое представление о пределах и реальных возможностях юридических законов, путях их воплощения в жизнь. Давно сказано: чтобы не разочаровываться, не следует очаровываться. Обществу необходимо преодолеть как правовой нигилизм, так и правовой идеализм, которые «питают» друг друга.